

МЫ, СОЦИОЛОГИ, УВЛЕЧЕНЫ НОВОЙ ФАНТАЗИЕЙ

Айван Стренски¹

Сегодня часто можно слышать, что мы живем в постсекулярном мире. Согласны ли Вы с таким положением?

Очень сложно согласиться или не согласиться с фразой: «Мы живем в постсекулярном мире», по меньшей мере, по двум причинам. Во-первых, здесь не совсем понятно, кто такие «мы». Если эти «мы» — исследователи, работающие в социальных науках, то какие именно это исследователи? Или «мы» — это «простые» люди, не являющиеся учеными? Те, кто ходит в церковь? Или невоцерковленные? Во-вторых, каково значение слова «жить» в данном контексте? Просто ли это некий способ «размышления» о мире, как в «Веке тревоги» (*The Age of Anxiety*) Уистена Хью Одена? Можем ли мы быть уверены, что, например, китайцы смотрят на мир так же, как и Оден? Или, может быть, понятие «постсекулярный мир» описывает некое объективное, автономно существующее в мире явление, как, например, «ледниковый период», значимым в определении которого является доля ледникового покрова Земли?

В целом, если понятие «постсекулярный мир» имеет хоть какое-то значение, оно может раскрываться в том факте, что мы, социологи, изменили рабочую гипотезу относительно тенденций развития и реальных условий существования окружающего мира, доминировавшую до последнего времени. Теперь мы увлечены новой фантазией. Поколения сменяют друг друга, и меняются их приоритеты. Сегодня мы считаем, что религия играет значимую роль в жизни человека.

С другой стороны, сущности, которые мы называем «религиями» и религиозными, проявляли себя и воспринимались как более агрессивные, напористые. Именно «внешняя» сторона принадлежности к религии и религиозной идентичности *кажется* сегодня новой. Но потрудился ли кто-нибудь проверить соответствие этой кажущейся новизны реальному положению дел? Разве не являлась религия таким же важным институтом, по крайней мере в некоторых частях мира, и на предыдущей стадии развития социальной теории, когда считалось, что мы живем в «секулярную эпоху»? Некоторые ученые говорят, что религия **всегда** была важна и что только наши антирелигиозные предубеждения не позволяют нам это увидеть. Может быть, они правы?

В конце концов, в качестве термина, описывающего *предубеждения или рабочие гипотезы* социологического сообщества, выражение «постсекулярный мир» неплохо, поскольку так называемые «религии» играют более заметную роль в общественной жизни практически по всему миру, а принадлежность к какой-либо религии, по-видимому, является одной из самых значимых форм социальной идентификации.

¹ В подготовке интервью к публикации приняли участие Роман Сафронов, Татьяна Малевич и Ксения Колкунова.

Как Вам кажется, обладает ли понятие «постсекулярное» объяснительным потенциалом, и можно ли его использовать в социологическом контексте?

Периодизация в гуманитарных науках представляет собой большую проблему. В лучшем случае она является упрощением, но, к несчастью, это упрощение прививает плохие привычки. Я отношусь с подозрением к подобному рода языку: он может запросто скрывать за собой идеологию и, как следствие, приводит к довольно поверхностным объяснениям. Здесь мне вспоминается язык антропологов XIX века эволюционистского толка, будь то версии марксистов, дарвинистов или колониалистов. К чему приводит такой язык? Предполагалось, что апелляции к определенным стадиям эволюции поддерживают объяснительную силу теории, однако логика такого объяснения представляет собой схему порочного круга. Мы «объясняем» (sic) поведение «примитивных народов» тем, что они живут на «примитивной» стадии культурного или социального развития. Подобного рода теоретические ходы могут давать импульс развития многим социальным движениям: от христианского суперсессионизма (учение, согласно которому Ветхий Завет заменяется Новым, в каком-то смысле «пост»-Ветхим) до социалистического гуманизма. Но такие теории ничего не объясняют: они направлены в первую очередь на выделение в истории определенных периодов, что само по себе должно служить целям научных программ. Проблема в том, что эти программы, в свою очередь, идеологизированы. Неужели кто-то всерьез думает, что слова Тайлора или Спенсера о том, что тот или иной народ «примитивен» — в то время как сами они принадлежат к народу «цивилизованному», — означают нечто большее, нежели их субъективное и высокомерное чувство превосходства, которое иногда служит оправданием империалистских стратегий?

Более того, мне как «минималисту» кажется, что мы должны очень бережно относиться к языку науки и стараться приближать его, насколько это возможно, к обыденному языку. Никакого жаргона, пока это не необходимо. Вопрос в том, в чем именно заключается функция такого термина как «постсекулярное»? Помогает ли он объяснению? Если помогает, то его предполагаемый объяснительный потенциал должен быть продемонстрирован прежде, чем мы признаем наличие этого потенциала. Если же данный термин сугубо аналитический, то нужно понять, что именно он помогает делать и решению каких задач способствует.

Какой термин, с Вашей точки зрения, лучше бы описывал современное «возвращение» религии в Южной Америке или России?

Практически любой термин, который не претендует на объективное существование эпох, эр, периодов и т.п., был бы лучше. Вообще, я бы запретил такие вещи в гуманитарных науках. Почему просто нельзя сказать, что сегодня а) религии и религиозность значимы в социальном дискурсе, и что б) социологи обращают на этот факт пристальное внимание?

Каковы, как Вам кажется, были основания секуляризации в Европе? Можно ли сказать, что причины секуляризации повсюду одинаковы?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к истории формирования институтов, которая в значительной степени различается на Западе и в России. Все разговоры о «секуляризации» в рамках гуманитарных наук напрямую связаны с изменением роли религиозных институтов в общественной жизни Европы и Америки. Я бы стал изучать развитие разнообразных общественных институтов — независимых от религиозных — школ, больниц, социальных служб, политических партий и т.д. На Западе и в некоторой степени в России XIX века импульс развитию либеральных институтов, не связанных напрямую с религией, дала Великая французская революция. Октябрьская революция в России просто усилила эту тенденцию. Мне кажется, что верования лишь следуют за институциональными изменениями, а догмы, вопреки распространенному мнению, не существуют независимо от социального измерения. Подробнее об этом можно почитать в моей работе «Почему политику невозможно освободить от религии»¹, а также в книге Моники Даффи Тофт, Дениэла Филпотта и Тимоти Семюэла Шаха «Век Бога: возрождающаяся религия и мировая политика»².

¹ Strenski I. Why politics can't be freed from religion. — New-York: Wiley-Blackwell, 2010.

² Duffy Toft M., Philpott D., Shah T. S. God's century: Resurgent religion and global politics. — New-York: W. W. Norton & Company, 2011.